

**ЩИПИЦИН А. Ф. — ПЕШКОВОЙ Е. П. и
ПРОКУРОРУ РСФСР**

КУЗНЕЦОВ Алексей Николаевич, родился в 1875 в селе Царское Санкт-Петербургской губ. Архиепископ Сарапульской епархии. 8 февраля 1932 — арестован и заключен в тюрьму. 7 сентября 1932 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

ПАНИШЕВА Зоя Павловна. Проживала в Сарапуле Свердловской области, верующая Покровской религиозной общины. 9 февраля 1932 — арестована и заключена в тюрьму. Летом 1932 — освобождена.

ЦАРЕГОРОДСКАЯ Татьяна Петровна. Проживала в Сарапуле Свердловской области, верующая Покровской религиозной общины. 9 февраля 1932 — арестована и заключена в тюрьму. Летом 1932 — освобождена.

ШИПИЦИН Алексей Федорович. Проживал в Сарапуле Свердловской области, верующий Покровской религиозной общины; председатель Исполнительного органа общины. 9 февраля 1932 — арестован и заключен в тюрьму. 10 октября 1932 — освобожден.

В июле 1934 — Алексей Федорович Шипицин обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой, передав ряд документов.

<25 июля 1934>

«Е. П. Пешковой,
оказывающая помощь политическим заключенным

От Пред<седателя> Испол<нительного>
орг<ана> Покровс<кой> общ<ины>
г<орода> Сарапуля Свердл<овской>
обл<асти> Щипицина Алек<сея>
Федоров<ича>, Пугачевская 32.

Заявление

Так как Вы являетесь оказывающей помощь заключенным, то настоящим обращаюсь к Вам и прошу Вас, нельзя ли оказать помощь нашим заключенным, которая заключается <в> досрочном их освобождении. Они были осуждены по ст<атье> 58-10, 11 с 1932 г<ода> 9 февр<аля> на три года и отбывают наказание, большая часть <их> в Нарымском крае, и очень бедствуют. Их срок кончается в зимнее время, и <в> это время бывает очень затруднительная зимняя дорога того края, да при этом еще одежды у них не имеется для зимней дороги, вот поэтому и просят они оказать им по<д>могу.

В прошлом году хотели подать мы ходатайство о помиловании их, но не подали, потому что нам сказали, что могут ходатайствовать только близкие родственники.

Затем хотели подать прокурору заявление о пересмотре дела, но не подали, потому что стало слышно, что Епископа Алексия хотят освободить и которого действительно освободили, поэтому мы думали, что всех освободят. Но этого не свершилось, и осужденные продолжают отбывать свой срок полностью. Хотя они фактически являются (невинной) незаслуженной такой участи, потому что все дело с начала и до конца было делом насилием и тому подобным действиям со стороны ГПУ.

Для Вашего сведения прилагаю разные заявления и изложения, которые не были доставлены по назначению. Из них вы узнаете всю историю нашего дела, и я думаю, что Вы выведете заключение, что люди страдают понапрасну.

Вот поэтому и обращаемся к Вам и просим Вас, хотя на окончании ихнего срока заключения обрадовать их досрочным освобождением.

О чем еще просим Вас, что можете, пожалуйста, сделайте, облегчите их страдания, за что Вам заранее приносим благодарение.

Пред<седатель> Испол<нительного> органа Покровс<кой> общ<ины> А. Щипицин.

1934 г<ода> 25 июля.

При сем прилагаются для Вашего сведения разные заявления и изложения, которые не были вручены по назначению.

А. Щипицин»¹.

<9 августа 1933>

«Копия

Прокурору Республики

От нижеподписавшихся граждан
г<орода> Сарапула Уральской области
Щипицина Алексея Федоровича,
Панишевой Зои Павловны,
Царегородцевой Татьяны Петровны.

Заявление (не было вручено)

Настоящим имеем честь довести до вашего сведения, что неожиданно для нас мы оказались арестованными сотрудниками ГПУ 9 февр<аля>, 24 марта 1934 г<ода> и, просидев от 3 до 8 месяцев, в результате освобождены. Но некоторые из наших товарищей вместе с владыкою Алексеем Кузнецовым по сие время несут за что-то наказание.

Так не повлияло ли тут наше насильственное (со стороны органов дознания) показание, т<о> е<сть> нас заставляли подписаться насильно к таким протоколам, в которых не было согласовано с фактами (они были составленные в желаемой для органа дознания форме), и орган дознания вел дело очень в пристрастном виде, с угрозами, запугиванием и всякими обещаниями и т<ому> п<одобное>, заставлял подписаться к протоколам.

И мы, сидя в камерах при ГПУ, не могли не исполнить приказов уполномоченных ГПУ. Сперва мы отказались, когда были свежи и здоровы, но, просидев в камере от 3 до 6 месяцев, мы стали изнуренными и ослабли, не видя своего конца заключения. А потому и пришлось нам исполнить незаконное требование упол<номоченного> ГПУ и подписаться к явно неправильно составленным протоколам, от которых мы отказываемся.

И со своей стороны заявляем, что никакой контрреволюционной организации среди духовных лиц не замечали и никакой агитации или пропаганды против Советской власти от них не слышали, также и сами ничего подобного не производили и не делали.

А поэтому, просим Вас пересмотреть все это дело в порядке надзора и освободить как владыку Алексея Кузнецова и всех тех, которые несут невинное наказание.

Так как все это составлено главное на насилии, в котором на месте фактов стоят ложь, клевета, неправда, а поэтому были введены в заблуждение вышестоящие органы власти.

Алексей Федорович Щипицин.
Зоя Панишева.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1179. С. 75. Автограф.

Татьяна Петровна Царегородцева.

9 августа 33 г<ода>»².

Это неотправленное заявление в Прокуратуру Алексей Федорович Щипицин прокомментировал.

«Я думаю, что прокуратура убедится в действительности сего неправильного дела и освободит заключенных, а если ей почему-либо покажется, что мало протестов, затем отсутствуют протесты самих заключенных, то прошу прокуратуру обратить серьезное внимание на следующее: нам упол<номоченный> ГПУ говорил, что наше решение (т<о> е<сть> высшего органа ГПУ) будет окончательное и обжалованию не подлежит. Но я думаю, что не подлежит к обжалованию решение по делу действительного фактического преступления, но здесь преступление фактическое отсутствует, до арестов не были виновными, но арестовали и посадили ГПУ и подписались друг на друга и сами на себя, тогда стали виновниками, преступниками.

И это получилось благодаря боязни и страху, который ГПУ вселил в каждого заключенного, как сказано, Царегородцевой Татьяне, что, если будет протестовать, то тебе будет худо, вот в таком роде и продолжается держаться страх и боязнь, как бывших заключенных, так и освобожденных и сосланных.

И, действительно, этот ужас и страх попасть опять <в> ГПУ подтверждается фактами, который происходит на наших глазах.

Были смертные случаи в камере ГПУ № 12 <в> 1932 г<оду> в первых числах февраля, помер от истощения гр<аждани>н Колчин Е. И., схоронили и родным не сказали. Затем много случаев смерти людей, которые, выходя из ГПУ, поживут немного дома и умирают, и даже приходилось участвовать в похоронах таких случаев, затем недавно опять был случай, чуть не помер в камере гр<аждани>н Сивятов Еф<им>, его успели свести в больницу, где он и умер, и родным не сказали, сами схоронили.

Вот все такие случаи заставляют человека трепетать и быть всегда в страхе. Так что некоторые из наших товарищей освобожденных стали страдать манией преследования, как, например, Смагин и Курочкин и др<ругие>, и они очень стали мнительные, все им кажется, что вот за ними следят, их преследуют, за ними идут, а если случится, кто-нибудь постучится в неурочный час, то они совсем падают духом, думают, что за ними уже пришли, в таких случаях не знают спокойствия ни днем, ни ночью, теперь посудите сами, что могут сделать такие люди в защиту за невинных или за себя.

Затем тяготеет над нами виновность, которую мы совершили пред осужденными (которые несут тяготы заключения), подписание хотя и под насильем, но это нас не оправдывает пред ними. Так поэтому просим Высший орган Прокуратуры найти возможность, освободить всех невинно заключенных, как владыку Алексея Кузнецова, так и прочих.

Этим самым Вы избавите невинных людей от страдания, а нас от виновной тяготы пред ними.

А. Щипицин»³.

<15 октября 1932>

«Копия

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1179. С. 77. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1179. С. 77 об. Автограф.

Прокурору Республики РСФСР

От Председателя Исполнительного
органа Покровской религиозной общины
города Сарапуля Уральской области
Щипицина Алексея Федоровича.

Изложение

Арест, мое первое впечатление и заключение под стражу.

Неожиданно для себя я оказался сотрудниками ГПУ арестован 9 февраля 32 года и после сделанного надо мною обыска посадили меня в камеру № 12, а там был гражданин Минин, с которым я стал разговаривать и расспрашивал его о порядке в камерах. Между прочим, он мне поведал, что вот на этой койке неделю тому назад скончался от истощения, от голоду гражданин Колчин Ермил Иванович (сидел за золото). Это меня очень удручило, что администрация ГПУ доводит до такой степени, что человеку приходится помирать в камере, не сумевши исполнить требование уполномоченного ГПУ. Затем захотел я в уборную, и меня не отпускали, нас не выпускали, потому что не пришло время, и я валялся по полу, очень мне было тяжело ждать определенного времени. И вот все это, беря во внимание, приходишь к выводу, что находимся между Жизнью и Смертью.

Первый вызов.

Первый раз вызывал меня уполномоченный Куницын и объявил мне, что я привлекаюсь по статье 58 пункт 10. Я спрашиваю, что значит эта статья. Он мне сказал, что подрыв Государству и свел меня обратно в камеру.

Второй вызов.

Являюсь к тому же уполномоченному Куницыну, он мне задает вопрос, ну рассказывай, что ты делал, я, в свою очередь, его спрашиваю, вы мне скажите, в чем я виноват перед Советской властью, и какая причина заставила вас меня арестовать, я со своей стороны себя не считаю ни в чем перед Советской властью виновным, затем он начал писать анкету и первый протокол опроса, а до этого он вел разговор насчет религии, говоря, что Бога нет, зачем ты веруешь и так далее. Этим самым он узнавал, как я отношусь к религии, и после этого он начал писать протокол, в котором, между прочим, сделал выражение “буду бороться с Советской властью до последней капли крови”, и далее — “я не один, нас много, тем улучшает мое положение и так далее”. И велел он мне так протокол подписать.

Я ему говорю, что такой протокол, вам если подписать, будет для меня могила, потому что вы пишете все то, что в действительности не было. С Советской властью я не боролся и бороться не желаю, а вы пишете, что я буду бороться, в таком случае разъясните мне написанное вами выражение, что оно значит, он мне объяснил, что Советская власть запрещает молиться, а ты молишься, значит, ты борешься, дальше, ты не один, вас много ходит в церковь, Власть разрушает церкви, а вы поддерживаете церковь. Я говорю, что все то, что мы делали, то делали согласно законов, и сделал ему замечание, что власть не запрещает молиться, хочешь веруй, хочешь нет, воля каждого человека, и все-таки

он, уполномоченный Куницин настаивает, чтобы я подписал без оговорок, но я просил его сделать примечание, что с Советской властью не боролся и бороться не желаю, а буду бороться с незаконными действиями местных властей. Он такое примечание не сделал, и потому я отказывался от подписи. Но мне пришлось все-таки подписать с примечанием, буду бороться, согласно изданным законам и после этого меня опять уводят в камеру.

Третий вызов.

Тот же уполномоченный Куницын начал мне говорить, что приближается вторая пятилетка, в которой уже не должно быть классов, а попы, как класс, должны быть ликвидированы, в деревне мы уже с кулачеством, как классом, дело покончили, а поэтому время пришло покончить с духовенством, как с классом, и церкви закрыть. Тогда я ему говорю, как теперь понимать закон по отделению Церкви от Государства, а он мне и говорит, что этот закон был только ПОКА, значит, он его ликвидировал (по этому случаю я послал заявление из больницы в Москву, Кремль, в ЦК в мае месяце 1932 г. <ода>, спрашивая его, действительно, что так, что закон по отделению Церкви от Государства ликвидирован, и как нам быть и на что опереться при таких случаях, но ответа я не получил). В этот раз у нас были только разговоры, и ничего он не писал, а только сказал — писать будем потом, и меня опять возвратили в камеру.

Четвертый вызов.

Все тот же уполномоченный Куницын спрашивает меня, будем подписываться (хотя протокол еще не написан). Я говорю, что ложь подписывать не буду. Он начал было писать, да бросил, несколько раз высылал меня в коридор подождать, затем я ему говорю, все-таки за что я арестован, объясните мне, он мне говорит, что у вас была контрреволюционная организация, и ты в ней участвовал, все попы сознались, а ты только не сознаешься, вот смотри, сам архиерей тебя выписал (и кажет мне как бы копию, а подлинник, говорит, он послал в область), где действительно написано, т<o> е<сть> все переписаны, что участвуют (но этого быть не может, тут либо подделка, либо другая какая-либо хитрость уполномоченного), потому что владыка Алексей этого сделать не мог, так как подобного ничего не было и быть не могло. Затем он говорит, что вот у вас ходит много народу, вы завели певчих, у вас идут торжественные службы и говорят долгие речи, вы этим народ привлекаете, а Власть с Религией борется, а вы ее распространяете, укрепляете, значит, вы являетесь врагами Сов<етской> власти.

Я ему говорю, что пока существуют законы по отделению Церкви от Государства, мы не являемся врагами, потому что все то, что делается у нас, дозволяется законоположением. Он мне на это сказал, что ты все премираешься законами, законы, законы. Я ему и говорю, так на что я буду опираться, кроме законов, покажите мне, где написано, что законы эти уничтожены, я тогда не буду на них ссылаться (но так как он мне раньше сказал, что законы были только ПОКА, поэтому ему кажется, что все то, что мы делаем, является для него противозаконным). Затем, он поминает 17 конференцию партии, но я ему говорю, что для нас постановление партии не закон. Мы только знаем ВЦИК. Вот, если постановление партии будет утверждено ВЦИК'ом, тогда является для нас закон. Но так как этого пока нет, то остается в силе прежние законы по отделению Церкви от Государства. Но так как я отказываюсь от подписи, то он меня переводит в

другую камеру, где находились два человека, священники Иван Синяковский да Николай Шерстенников. Эти люди оказались запуганные, застрашенные, всецело отдались судьбе. И вот к таким людям меня и поместили, которые мне начали советовать подписать неправильные протоколы, все равно так или иначе заставят, вот мы подписались, хотя этого ничего нет, так говорил особенно Иван Синяковский.

Пятый вызов

Ну, как, надумал, был мне такой вопрос уполномоченного Куницына. Я говорю, что нет, не надумал, тогда он мне и начал говорить, зачем ты против власти идешь, зачем затягиваешь дело, его уже давно надо бы кончить, а ты затягиваешь, ведь все же сознались и подписались, а ты упорствуешь, поэтому тебе будет наказание больше ихнего. Тогда я ему и говорю, что все тут сделано насильно, что вы думаете и пишете, этого ничего нет и не было, у вас нет фактов для обличения всех нас в преступности, то есть нарушении законов, потому кто-нибудь, да как-нибудь донесет про ваше действие в Центр, тогда у вас все это дело лопнет, как мыльный пузырь. Он на это сказал, что у нас стены крепки, лбом стену не проломишь, на это Сталин не посмотрит, а все-таки тебя заставим, и ты подпишешься, вот ты болен, тебе не дадим медицинской помощи, лишим голоса, прибавим еще статью и так далее и тому подобное. И меня после этого взяла дрожь, трясло, как лихорадкой, и я не мог успокоиться до самого утра. Это дело было в полночь, и в камере мне несколько раз говорил Иван Синяковский в эту ночь, подумай, кабы худо не было, если не подпишешься, что сделаешь, воля ихняя. И вот, испытывая все эти незаконные требования уполномоченного ГПУ на себе, и думаешь, как старается орган дознания свое неправильное действие подвести под статью закона, при этом очернить, запятнать, обвинить совершенно невинных людей, пользуясь своим положением и властью, уполномоченные ГПУ прибегают еще к разным уловкам и хитростям, в гражданском судопроизводстве стараются выявить правду, а здесь, наоборот, ее затушевывают, (коли рвут показания обвиняемых), разными угрозами, застрашиванием и разным обещанием заставляют подписаться к явно ложным протоколам. И вот все это передумал в эту ночь, да и товарищи по камере советуют подписаться, говоря, кабы хуже не было, вот видите, как постановлено дело. И я поддался ихнему совету и, принимая все это во внимание, и то, что могут сделать со мной, то, что сделали с Колчиным Е. И., который не сумел исполнить ихнего требования и поплатился жизнью, я пришел к решению протокол подписать, а когда буду в больнице (потому что меня хотели отправить в больницу, если я подпишусь), то оттуда послать заявление областному прокурору ГПУ и во ВЦИК (я так и сделал).

Шестой вызов.

Выводят меня, и сам Куницын меня встречает со словами, разговаривать будем? Я говорю, что буду, и повел меня в свою комнату № 18, велел сесть на стул, как всегда, и говорит мне, подписывать будем? Я сказал, что буду, затем он мне говорит, что, наверное, есть хочешь, я говорю, что очень хочу поесть, и он предложил мне чаю своего стакан, да принес четыре ломтика хлеба с кетой, я два ломтика съел, а два оставил товарищам по камере, а в это время уполномоченный Куницын писал протокол, что хотел, то и писал. Я одно ему говорю, что, пожалуйста, поменьше пишите, я даже просился у него в камеру, а когда будет готовым протокол, то тогда можно придти и расписаться. Он меня в камеру не

отпустил, а велел дожидаться, хотя он мне и давал читать, но я не помню, что было написано, потому что было написано очень много, наконец, протокол готов, и я подписал, говоря при этом, что этого ничего нет, но так надо сделать. Когда я его подписал, то уполномоченный Куницын мне сказал, ну, вот ты подписался, смотри не отказывайся, а то будет тебе худо. Затем он мне говорит, если из моих товарищей тебя спросят подтвердить свою подпись, то, что ты скажешь. Я ему и говорю, что скажу, этого ничего нет, но так надо сделать. Он говорит, что так говорить нельзя, нужно говорить утвердительно, я опять говорю, что я на себя не надеюсь, ложь подтверждать не буду, в таком случае пускай ваши товарищи не вызывают и не спрашивают, вот после этого меня отправляют в больницу. Когда я оказался в больнице, то исполнил задуманное мною подачи жалобы и отказался от всех подписей и послал в Свердловск, главному прокурору ОГПУ и ВЦИК. В больнице я встретился со священником Михаилом Шубиным, который мне поведал, что его принуждали подписаться к протоколу, не давая его прочитать, там же встретился с псаломщиком Курочкиным А. С., который, не подписавши протокола, его посадили в холодную, где он простыл, получил тиф и чуть не умер.

Седьмой вызов.

Опять в камеру при ГПУ из больницы я пришел 15 мая, и меня в тот же день вызывает уполномоченный Куницын и объявляет мне, что следствие закончено, статья 58 п. 10, 11 и, что признаю себя виновным, подпиши. Я ему заявляю, что себя виновным не признаю и от всех подписей отказываюсь, потому что были сделаны под насилием. Тогда мне и говорит (тут был и Казаринов), где была твоя голова, когда подписывал, я говорю, что вы очень застращиваете, не хотели дать медицинской помощи, они говорят, так ты от этого бы помер, что ли, я говорю, помер не помер, но очень струсил и меня трясло, как лихорадкой. Тогда подай заявление.

Я в тот же день с охотой принялся писать заявление, (хотя у меня уже подано было в область из больницы), написав его, вручил дежурному для подачи прокурору ГПУ Овечкину.

Восьмой вызов

Вызывает прокурор Овечкин и встречает меня со словами, что хитрить вздумал? Попов защищать вздумал? Нет, попался, так не вырвешься, твое заявление силы не имеет, где ты раньше был? Что раньше не говорил? Я говорю, что раньше я вас не знал, а то бы обязательно бы вам написал. Тут он написал какой-то протокол, я уже не помню, так как он меня принял очень неприветливо, и я, не читая, его подписал, думал, что не сделает, как уполномоченные, которые очень с пристрастным видом вели дело. На другой день еще я хотел добавить к моему заявлению прокурору Овечкину, но мне дежурный заявил, что тебе писать запрещено.

Девятый вызов

Вызывает уполномоченный Куницын, заполняет протокол и дает мне читать, я его прочитал, делаю примечание, он хотя и протестовал, но я уже посидел порядочно и уже познакомился с прокурором, кое-какие узнал правила, и отвечаю ему смело, что я имею право делать примечание, он на это ничего не сказал, после этого подписал протокол.

Десятый вызов

Через день вызывает тот же упол<номоченный> Куницын и в дежурном помещении предлагает мне подписать копию позавчерашнего протокола, я, конечно, ее беру и хочу прочитать, он мне ее не дает, а одно говорит, подпишись, но так как у меня уже всякая вера в честности упол<номоченного> Куницына потеряна, и я уже ему ни в чем не стал верить, и вот тут я ему уже не поверил и стал было копию проверять, он из рук моих ее вырвал, при этом сказал, иди, опять жалуйся прокурору и махнул рукой дежурному, чтобы он меня свел в камеру. Это была со стороны упол<номоченного> Куницына явная хитрость, так как ему не удалось чистым сделать протокол, т<о> е<сть> без примечаний, то он пустился на хитрость и, заставляя меня подписать, якобы, копию, но на самом деле у него была мысль подлинную уничтожить, а из составленной копии сделать подлинник. Но эту уловку, эту хитрость ему не пришлось сделать. Вот из всего этого видно, что как стараются, как хитрят, лишь бы задуманное ими ложное дело сделать с успехом; и они для этого ничем не брезговали, применяли угрозы, разные уловки, застрашивание, разные обещания и, пользуясь всем этим, наводили на заключенных большой ужас; и, благодаря этому заключенные теряли всякое мужество и силу воли, напуганы были до крайности, все время своего заключения, находились под страхом и т<ак> д<алее> и т<ому> п<одобное>.

Одиннадцатый вызов.

Вызывают к упол<номоченному> Куницыну, и он ведет меня, как я уже потом узнал, к приезшему из области представителю, который меня спросил, жалобу подавал? Я говорю, что подавал, он говорит, что жалобы можно подавать, только бы была правда, затем спросил, как я ее подавал? Я говорю, что, когда был в больнице во время передачи, да спросил меня, на что я жаловался, я все ему повторил, но я не знал, что он из области, я думал, что он на место Куницына и не сказал ему, что меня держат в одиночной камере и не дают мне медицинской помощи, так как болезнь моя уже опять повторилась. Когда меня посадили в камеру, то были тут люди, но когда болезнь моя начала очень распространяться, то товарищи по камере начали протестовать, и кто протестовал, тех из камеры убрали и, наконец, всех убрали и меня оставили одного, и я оказался в одиночной сидеть больным (у меня болезнь хронич<еская> экзема). Я просился в больницу, но меня не отправляли и лекарства не давали, я так и сидел, вот тут-то я вспомнил слова упол<номоченного> Куницына, что если откажешься, то будет тебе "ХУДО", вот его худо, значит, я и испытывал и, когда я просился у коменданта Тимофеева в больницу, то он мне сказал — "мы вынуждены тебя так держать" — и держали.

Двенадцатый вызов

Вызывает упол<номоченный> Смирнов и говорит мне, как ты передавал жалобу, через кого, я говорю, что, когда был в больнице и когда мне приносили передачу домашние, я им передавал, а они ее спускали в почтовый вагон. После этого вызовов не было.

Освобождение

Просидев в камере ГПУ шесть месяцев, в том числе 2 раза был в больнице, и меня перевели 13 августа в Исправ<ительный> дом, где

просидел в камере № 17 немного времени, меня переводят опять в больницу, затем снова возвращают в камеру № 17 и 10 окт<ября> 1932 г<ода> освобождают.

Выводы

Когда был переведен в Исправ<ительный> дом и увидался в камере № 17 в подвальном помещении со своими товарищами, то обменивались со своими впечатлениями о действиях уполномоченных, и оказалось, что всех так или иначе заставляли идти против своей совести и подписывать насильно, а потому все это дело сначала и до конца сочиненное и составленное из неправды и лжи разными уголовными хитростью и обманом и т<ак> д<алее> и т<ому> п<одобное>.

Противозаконные действия уполном<оченного> ГПУ

Когда приходилось сидеть и видаться со своими товарищами еще в камерах при ГПУ и при Исправ<ительном> доме, то обменивались о перенесенных испытаниях от органов дознания ГПУ, вот их действия:

1. При допросе дьякона Ивана Мигоконова у него два раза рвали его показания и заставляли подписаться к готовому протоколу, но он упирался и не подписывал, то его ударил упол<номоченный> Куницын в бок кулаком. Испытывая такое действие на себе от упол<номоченного> ГПУ, ему пришлось покориться и подписать.

2. Священника Михаила Шубина заставляли подписаться, не давая ему прочитать протокол.

3. Щипицина Алексея, т<о> е<сть> меня очень застращивали, угрожали, худо обещали, медицинской помощи отказывали, матом крыли и т<ак> д<алее>.

4. Панишевой Зое Павловне, она показывает то, пишут другое и зачитывают третье.

5. Царегородцевой Татьяне не зачитывали, заставляли ее подписаться, а на другой день зачитывали, где выяснилось, что она подписала явную ложь, но протестовать на это не давали, запрещали.

6. Псаломщика Курочкина Александра за отказ подписаться посадили в холодную, где он простыл, получил тиф и чуть не помер.

И, таким образом, все остальные, так или иначе были подвергнуты разным насильственным мерам к подписанию неправильных протоколов. В заключение этого, несколько лиц оказались осуждены и несут за что-то наказание.

Мои просьбы, мышление, желание и определение

Когда упол<номоченный> Куницын мне объявил, что закон по отделению Церкви от Государства был только ПОКА, то я писал в ВЦИК 1932 г<ода> в мае месяце и спрашивал, так ли это, если это так (т<о> е<сть> закон этот уничтожен), то я отказываюсь от всех протестов, но, если он, этот закон, существует, то прошу Сарапульское ГПУ призвать к порядку.

Затем подробно писал на действия и порядки Сарапульского ГПУ Митрополиту Сергию Страгородскому и просил довести до сведения высших органов власти и просил их применить к нам публичный суд (а не кабинетный). Затем просил послать для расследования особую комиссию из центра или представителя от ВЦИК, одним словом, старался как-нибудь выявить правду. Затем, я думал, если будут проверять кто-нибудь действие Сарапульского ГПУ, то хотел просить, переспросить всех нас,

вычитать нам все те протоколы, к которым подписались мы (и вот тогда выяснилось бы вся правда), при этом желал бы присутствие представителя от Митрополита Сергия Страгородского.

Но этого не случилось, из всего этого видно, что тут дело обстоит совершенно ясно, как-нибудь, да через что-нибудь, да только обвинить, разрушить, уничтожить все то, что не нравится.

Вот поэтому и затянулось у них, так называемое, следствие, но это, я говорю, не было следствием, а это была фабрикация известного дутого дела, и этот случай затяжки следствия сделался не потому, что действительно было бы о чем-то вести следствие, расследовать какое-то преступление, которого не было, но которого нужно было создать, поэтому пришлось органу дознания ГПУ нарушить известные законы, арестовать невинных людей, держать их под стражей, причинить им душевные и физические страдания и суметь (пользуясь своим положением и властью) пред высшими органами власти обработать это дело так, что несколько человек оказались виновными и несут по сие время наказание, не зная, за что.

Факты для обвинения отсутствуют

Фактов совершенно никаких нет, которые бы обличали в виновности. Никаких происшествий или событий не совершали, также ни в каких формах не нарушалась даже простая тишина, спокойствие, порядок, все это лишний раз доказывает нашу правоту и законность.

Факты для оправдания присутствуют

Взять хотя бы время, когда происходила изъятие церковных ценностей, при этом не было никаких непорядков, ни шума, ни крику, ни волнения, ни смуты.

Затем, когда Митрополит Сергей Страгородский заверил в печати, что в России нет гонения на религию, что ваша радость, наша радость что ваше горе, наше горе, и вот после этого в некоторых местах произошли недоразумения и отошли от Митрополита Сергия, это показывает, что они с ним не согласились. Но у нас и подобного ничего не было, мы от Митрополита не отставали, это показывает, что, если бы хотя была маленькая доля того, что нам предъявляет ГПУ, то она не укрылась бы, а сказала бы в этом деле. И это все благодаря нашему уважаемому владыке Алексию Кузнецову, который поэтому совсем не заслуживает никакого обвинения за его лояльность Советской власти. Вот вам факты, которые говорят в оправдание всего этого дела. Затем была у духовенства общая братская кружка, для равного распределения своего заработка, и вот в этой братской кружке уполномоченные ГПУ усмотрели какую-то контрреволюционную организацию. Но, фактически, данных на это не имеется, а это есть только предположение ГПУ. Эта братская кружка была основана в 1927 г^оду и по 1932 г^од, это ровно пять лет, она существовала и не проявляла себя в чем-либо подобном, и это знал адм^{инистративный} отдел и финансовый отдел, когда приходилось давать документы об их заработанных сумм. Такой порядок братской кружки был вызван еще тем, что, когда церкви одна за другой стали ликвидироваться, то приходы стали соединяться, поэтому и пришлось духовенству последовать ихнему примеру, затем, принимая во внимание равенство и братство, вот на таком основании и была основана эта братская кружка. Никак она в контрреволюционной деятельности не проявляла, а потому члены ее не заслуживают обвинения.

В заключение всего этого можно сказать, что вся эта история вызвана второй пятилеткой, как мне сказал уполномоченный Куницын, что во вторую пятилетку мы должны ликвидировать классы, а поэтому духовенство, как класс, должен быть ликвидирован, и церкви закрыты.

Поэтому сначала и до конца все это дело основано на лжи, составлено из неправды, скреплено насилием, а потому и просим Высшую Прокуратуру обратить на все это действие особое внимание и из виду не выпускать законоположение, которое просим применить к этому делу и освободить заключенных.

Председатель исполнительного органа
Покровской религиозной общины

А. Щипицин»⁴.

В 1934 — архиепископ Алексей (Алексей Николаевич Кузнецов) был досрочно освобожден из лагеря, вернулся в Сарапул и продолжил служение. 18 декабря 1937 — арестован, 15 ноября приговорен к ВМН и 18 ноября расстрелян⁵.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1179. С. 78-82. Автограф.

⁵ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.